Чей секс лучше?

Веч. Москва. - 1993. - 30 авг. - с. 3.

РУССКИЙ РОМАН в Нью-Йорке в 1993 году

Лев НАВРОЗОВ

В СТАРЫЕ советские времена книги, написанные советскими или бывшими советскими писателями и издававшиеся в Нью-Йорке, были запрещены у них на родине. Этих писателей могли посадить в тюрьму, а может быть, и убить. Их окружала аура политической тайны, борьбы, сенсации. Громадная политическая сенсация выпала на долю Солженицына. Но уже 2 июля 1989 года газета «Нью-Йорк таймс» опубликовала разгромную рецензию на «Август четырнадцатого», а из 400 других периодических изданий, рецензирующих книги, 399 вообще не дали никакой рецензии, и только одно издание опубликовало формальную отписку. Так наступил конец эпохи политической сенсационности «русских романов». Ныне роман, написанный русским и издаваемый в Нью-Йорке, ничем политически не отличается от романа, написанного канадцем или немцем.

И вот в 1983 году бывший советский подданный Эдуард Лимонов издал в Нью-Йорке роман совсем в ином духе. Точнее, это совсем не роман, а изложение люмпеном, мелким хулиганом, «огольцом» своей половой жизни в Нью-Йорке. Когда московское издательство «Ренессанс» (!) опубликовало в 1991 году эти записки огольца, то в России они произвели фурор. Никогда ни один русский в истории России не излагал в печати свою половую жизнь — тем более нецензурным языком. На основании этого издательство «Ренессанс» объявило в своем предисловии: «Роман «Это я — Эдичка» читают во всем мире». Я уверяю издательство «Ренессанс», что вне русскоязычной эмиграции ни один американец не имеет понятия ни о каком Эдуарде, или Эдичке, Лимонове и его жене Елене, как он не имеет понятия ни о каком издательстве «Ренессанс».

Дело тут в следующем. Когда я учился в школе (при Сталине!), старшеклассники, причем девушки, зачитывались романом, переведенным с французского и изданным в 20-х годах. В этом романе автор-рассказчик описывал якобы свою первую брачную ночь, предупреждая, что он вовсе не писатель, а желает изложить все прямо, точно, по правде, без всяких умолчаний или околичностей. Роман так зачитали, что он весь распался на отдельные страницы, и я прочел только несколько из них, притом в беспорядке. Возможно, к 90-м годам все эти листочки рассыпались в прах. Но ведь во Франции книга была издана еще в начале века! Словом, Лимонов удивил Запад не больше, чем если бы он предложил шить на Западе брюки, как он шил их в России, полагая, что брюк на Западе нет, и все ахнут, увидев сшитые Лимоновым брюки.

На Западе Лимонов совершил ошибку: он хотел продать изложение половой жизни в Нью-Йорке ньюйоркцам. Как в Тулу везти самовар. Эту ошибку исправил Виктор Ерофеев, роман которого «Русская красавица» опубликован в Нью-Йорке в этом году. Ерофеев по крайней мере продает в Нью-Йорке экзотическую русскую половую жизнь в России, причем изложение ведет не Ерофеев, а русская красавица. И есть даже описание ее влагалища, как оно видится гинекологу в гинекологическом кресле. Помнится, предыдущий опус Ерофеева называется «Говорящее влагалище» и редактор эмигрантского журнала саркастически предложил назвать данный роман Ерофеева не «Русская красавица», а «Русское влагалище» в целях лучшей продажи книги. Будучи в Нью-Йорке, Ерофеев изобразил в эмигрантской и российской прессе, как книгу захвалили в Нью-Йорке: он прямо не знает, куда от стыда деваться. Где уж там Лимонову...

В «Московских новостях» № 15 1992 г. Ерофеев объявил, что русская литературная критика приносит лишь вред. Но ему нравится западная критика. И он «всегда относился с симпатией к писательской критике», то есть когда писателей критикуют другие писатели, а не литературные критики, «орудия если не мести, то зависти», в которых «как черви шевелятся комплексы». Ерофееву повезло. Газета «Нью-Йорк таймс», в воскресном книжном обозрении которой появилась рецензия на его книгу, — это как бы «Известия», «Правда», «Литературная газета», газета «Культура» и десяток «толстых журналов» вместе в одном издании. И вот роман Ерофеева в этой единственной американской газете, которую читает вся американская элита, отрецензирован американским романистом Давидом Плантом, который также читал лекции в Горьковском литинституте в Москве. И Ерофеев прав в том смысле, что средние романисты рецензируют друг друга в воскресном книжном обозрении газеты почти всегда положительно, ибо в противном случае можно спросить рецензента - романиста: «А сам-то ты кто — Лев Толстой?». Но бывают исключения. Такое исключение делает Плант для Ерофеева. Он объясняет, что Ерофеев не умеет писать. Конечно. Ерофеев вырос в интеллигентной семье советского дипломата и поэтому начитан. Но начитанность — это не талант и даже не умение романиста. Например, «м-р Ерофеев желает изобразить свою героиню, от лица которой ведется повествование, как женщину благородную и вместе с тем волевую, сексуально изощренную и вместе с тем невинную, умную, несмотря на отсутствие образования, бескорыстную и преданную. А на бумаге возникает избалованная истеричка, тщеславная, глупая, эгоистичная, помешанная на себе и насквозь фальшивая». Плант заканчивает свою рецензию так: «М-р Ерофеев — рассказчик анекдотов, который, воображая, что он страшно остроумен, рассказывает, захлебываясь и брызгая слюной, неприличный анекдот, а анекдот совсем не смешной».